

Саломин Юрий

23.06.05



ДА »

Юрий СОЛОМИН:
«Мне не стыдно за все, что я делал»

Андрей Морозов

В субботу, 18 июня, всенародно любимому актеру Юрию Соломину исполняется 70 лет. Пожалуй, самый аристократичный и интеллигентный герой советского кино, он уже вошел в историю своими блестящей театральной игрой и ролями и в фильмах «Адъютант его превосходительства», «Хождение по мукам», «ТАСС уполномочен заявить» и «Обыкновенное чудо». Накануне юбилея Юрий СОЛОМИН ответил на вопросы «Новых Известий».

– Юрий Мефодиевич, над вашим креслом в кабинете главы Малого театра висит икона. Раньше, наверное, Ленин висел?

– Икону мне подарили в Патриархии. Но знаете, в этом кабинете ведь никогда не висели портреты ни Ленина, ни Сталина. Здесь всегда были лишь три портрета – Щепкина, Островского и Александра Павловича Ленского – великого русского актера и педагога.

– Ваш театр зовется «академическим». В чем же, по-вашему, сегодня проявляется академизм? Многие теперь воспринимают его как синоним старой рутины, ни чем не связанной с сегодняшним днем. Кажется, это нужно нашим бабушкам, дедушкам и лишь отчасти – среднему поколению...

– Академичность сегодня заключается в точности. Есть ведь академические технические институты, есть консерватория – тоже академия. Академические театры сохраняют какие-то устои, традиции, которые, к счастью, еще не нарушены. Почему же их нужно разрушать? Не лучше ли их сохранить? Ведь традиция может перетекать во что-то новое. Вот есть же традиция отмечать Новый год. Что в этом плохого? Для меня плохо, что Деда Мороза стали называть Санта-Клаусом. Зачем?

Окончание на стр. 26

Новые Известия - 2005 - 17-23 июня - с. 1, 26.

67

Юрий СОЛОМИН: «Мне не стыдно за все, что я делал»



СПРАВКА

Юрий СОЛОМИН родился 18 июня 1935 года в Чите. В 1957 году окончил Театральное училище им. Щепкина и стал актером Академического Малого театра. С 1961 года преподает в Театральном училище им. Щепкина, с 1980 года – профессор. В кино снимается с 1960 года. Особую популярность ему принесли роли в фильмах «Адъютант его превосходительства», «Дерсу Узала», «Хождение по мукам», «Блокада», «Обыкновенное чудо», «Летучая мышь», «Сны о России», «ТАСС уполномочен заявить». Народный артист СССР (1988) и Киргизии. Лауреат Государственной премии России (2001). С 1980 года режиссер, а с 1988-го – художественный руководитель Малого театра. В 1990–1992 годах Юрий Соломин был министром культуры России. Президент Ассоциации русских драматических театров.

ИТАР-ТАСС. АЛЕКСАНДР КИРОВ

Окончание. Начало на стр. 1

Понимаете, мы – странный народ... Теперь вот нас зовут россиянами, хотя я этого слова не воспринимаю. Есть ведь русские, есть татары, есть евреи, есть чеченцы, есть узбеки, украинцы, грузины и так далее. Вот у меня в прошлом году закончила курс корейская студия – студенты из Южной Кореи четыре года учились. И я все время говорил им: «Ни в коем случае вы не должны отказываться от своего национального. Пожалуйста, впитывайте в себя культуру Запада, западноевропейского театра, русского театра, но не забывайте, что вы – корейцы. Вы должны все это перемолот в себе и рассчитать, что нужно зрителю, который будет вас смотреть. А ставить в Корею спектакли так, как ставят их в Германии или в США, – зачем?»

– Значит, академичность – это сохранение традиций?

– Я все-таки думаю, что да. Это традиции, которые никогда не умрут. Нет, кто-то, конечно, что-то «изобретет» и поставит спектакль по-другому. Например, поставят «Без вины виноватых» Островского, разденут там всех донага... Ну и что? Раздеть можно, можно отрывать что-нибудь. А для чего? Ведь Островский, или Шекспир, или Чехов про это ничего не писали.

Вот как-то я смотрел «Вишневый сад» в одном театре. Там есть два персонажа – слуги. И они занимаются там на сцене тем, что надо показывать совершенно в другом месте. Для чего это делают? Ведь Чехов не писал о том, кто с кем живет.

– Говорят, что в юности вы, посмотрев фильм про Малый театр, сказали: «Это – мое. Тут я буду работать»?

– Да, это правда. В 1949 году я увидел фильм, который назывался «Малый театр и его мастера», он был снят к 125-летию театра. Все артисты Малого потрясли меня, просто покорили. В том же фильме говорилось и о театральном училище имени Щепкина, что на Неглинной, 6. Я это запомнил, приехал в Москву и поступил.

– И как вы ощущали себя рядом с этими, как их называли, «великими стариками»?

– Знаете, более добрых, более доброжелательных людей я пока не встречал. Мне посчастливилось играть с Ильинским, Царевым, Жаро-

вым, Гоголевой, Шатровой, Бабочкиным. С ними я играл главные роли. Существовала такая интересная традиция. Если в театре появлялся новый актер, то ему обязательно что-то дарили эти «великие старики», каждый в меру своих возможностей. Например, кто-то мог подарить фотографию артиста, драматурга, кто-то книгу. Это были знаки внимания.

– Вот вы говорите, что они были добрыми, искренними, открытыми. Как же можно было оставаться такими в лживой атмосфере советского общества, когда все делалось с оглядкой на цензуру?

– Артист не может солгать себе. Он мог играть всякие лживые роли, но вот он видел молодого артиста, который, в сущности, никто. Он видел, что у него есть талант, и на премьеру подходил к нему и говорил: «Деточка, я хочу подарить вам книгу. Ты знаешь, чья это книга? Это книга такого-то автора...» Причем это была не просто книжка...

Знаете, я ведь играю всегда дядю Ваню в галстук, который мне подарила Татьяна Александровна Еремеева, жена Игоря Владимировича Ильинского. В свое время я долго не мог найти такого галстука, который был описан у Чехова – василькового цвета. И однажды на репетиции она просто подошла ко мне и сказала: «Вот, посмотрите, если он вам подойдет. Это галстук Игоря Владимировича». Вот в нем-то я играю уже много лет. И у меня такое ощущение, что если его потеряют в костюмерной, то я уже

больше не смогу сыграть. Казалось бы, что тут такого? Но ведь это галстук Ильинского!

– Вы ведь были министром культуры РСФСР. Трудно ли было вам, творческому человеку, согласиться на эту должность? Наверное, внутри чувствовали, что хотели попробовать себя в этой роли?

– Во-первых, я согласился возглавить не министерство, скажем, здравоохранения, а министерство культуры. К тому времени я был профессором и кое-что понимал в педагогике. У меня было поставлено несколько спектаклей, фильмов – и значит, кое-что я понимал и в режиссуре. К этому времени я переиграл много ролей. Значит, вполне мог возглавить ту отрасль, где что-то понимаю.

И потом, что касается «хотел себя попробовать»... Ничего я пробовать не хотел. Кстати, в то время, когда мне предложили этот пост, у меня было несколько серьезных предложений: преподавать в Штутгарте в театральном вузе, поставить «Женитьбу» Гоголя в Мексике – у меня уже и билет был на руках – и, кроме того, на «Ленфильме» должна была начаться очень интересная для меня работа. То есть материально я терял очень много. К тому времени я уже был художественным руководителем Малого театра. Когда же согласился, то сразу сказал: «Я не собираюсь долго здесь сидеть и протирать одним местом кресло». Меня кресло министра не волновало, меня волновала наша культура, меня волновали театр, балет, музы-

ка, меня волновали учебные заведения, которые находились не в очень хорошем состоянии.

– Понятно, что вас все это волновало, как любого нормального человека. А что-нибудь конкретное для исправления положения вы сделали?

– А почему вы думаете, что нет? Например, было отменено постановление о том, что все театральные коллективы должны выполнять норму пятьсот спектаклей в год. Когда же люди должны были репетировать? Ведь иногда играли по десять спектаклей в день, чтобы выполнить норму. Но первое, что я сделал, – прибавил суточные учащимся музыкальных и хореографических школ. И еще при мне в бюджет стали закладывать два процента на культуру. Это сделано было именно в мою бытность министром культуры.

– Раньше было меньше?

– Раньше и того не было.

– Как с вами общались ваши коллеги, когда вы стали чиновником?

– Каким чиновником? О чем вы говорите?! Чиновник тот, у кого нет профессии и кто держится за свой стул. А мне-то что за охота была держаться за кресло министра? Да к тому же я ведь сам ушел... Хотя меня пытались уйти.

– Кто?

– Не хочу называть их фамилий. Не хочу даже вспоминать о них! Я понимаю, за что некоторым я стал неугоден. Меня ведь трудно было в чем-то обвинить. Но я мог в глаза сказать: «Ничего вы в этом не понимаете!» И говорил. Так что мне «пристраиваться чиновником» было не из-за чего. Поэтому мне и не стыдно сегодня смотреть в глаза моим коллегам. Я знал, что уйду с этого поста – только вот чуть-чуть сдвину положение.

– Юрий Мефодиевич, как вы думаете, если бы у вас не было роли в фильме «Адъютант его превосходительства», была бы у вас такая популярность?

– Не знаю. Мне трудно сказать. Ну, может быть, был бы какой-то другой фильм, годом или двумя позже... Кстати, я мог бы стать популярным и раньше – за два года до «Адъютанта» у меня было приглашение сняться в другом фильме. Но не получилось.

– Что за фильм?

– Не хочу говорить. Там история связана с актером, который стал теперь популярным, очень извест-

ным. Я его не виню, так уж сложилось, сработали интриги. А узнал я об этом, когда уже снялся в «Адъютанте» – несколько лет спустя, отдыхая с одним режиссером в Болгарии.

Знаете, для меня лично «Адъютант» был ведь важен не славой. Как ни странно – именно после этой картины я стал задумываться: так ли уж были правы красные в гражданской войне? Ведь те, против кого они воевали, были умными, честными и преданными своей присяге людьми.

Я вам так скажу: в том фильме и враги, и, так сказать, «наши» были умными. Разве можно генерала Ковалевского называть неумным? Он был умным генералом, преданным России. Я думал: каким же тогда должен быть герой, который был против него? Так что все было снято правильно. Когда враг слабее тебя, ты не герой, а дырка от бублика.

– Но ведь ваш герой подвел человека, который, как вы сказали, был умный и верен присяге...

– А вы знаете, что этот фильм несколько месяцев пролежал на полке? Именно по тем самым причинам, про которые вы говорите. Дескать, и подход у режиссера не такой, и выбор актеров неоднозначен. В общем, сразу этот фильм не произвел впечатления на тех людей, которые должны были его выпустить.

– А какими еще ролями в кино вы гордитесь?

– Гордиться я не могу. Но мне не стыдно за все, что делал. Другой вопрос – фильм может быть популярным, а может быть непопулярным. Не могу отказаться от фильма «Сильные духом», где я сыграл гестаповца, тоже разведчика, только не нашего, а фашистского. Пусть это отрицательная роль, но я ведь не играл отрицательного немца. Мне не стыдно за фильмы «Хождение по мукам» и «ТАСС уполномочен заявить», за «Летучую мышь» и «Обыкновенное чудо». Хотя были и другие фильмы, не такого высокого класса, но и они тоже пользовались успехом.

– Тем не менее у вас есть много поводов для гордости. Вы руководите театром, который знают во всем мире. Вы бывший министр, ныне профессор...

– И даже академик. Ну и что же с того? На лбу мне, что ли, написать об этом и гордиться? Гораздо дороже любой гордости люди, которые рядом... Знаете, иногда на рынке с меня не берут денег, говорят: «Можно, мы вам вместо цветов помидоры подарим?»

– Вы что же, еще и на рынок сами ходите?

– А кто же за меня будет ходить? Хожу иногда...

– Юрий Мефодиевич, считается, что в 70 лет люди начинают брюзжать, не принимать ничего нового. Это похоже на правду?

– Это вам решать, вы же со мной беседуете.

– Ну, что-то не заметно...

– Вот и напишите, что в свои семьдесят Соломин не брюзжит и нормально принимает все новое... И все же семьдесят – это больше, чем шестьдесят. И это я ощущаю.



Юбиляр Юрий Соломин вместе со своей внучкой Александрой.

АНАТОЛИЙ МОРОЗОВ